

Галя Маркелова

Когда умирает поэт

«Посмертная слава – при жизни
концертный костюм ледяной»...

Ефим Ярошевский

В этом июне стремительно расцвели сразу и липы, и гледичии, и катальпы, да кое-где еще отцветали акации. Сложная симфония ароматов, помноженная на стоны увядания снопов скошенных троицких трав, наполнила лабиринты городских проулков – праздничный город готовился к грозе и какому-то уникальному астрономическому явлению.

Я пришла к Игорю Иванычу. Он вот уже восьмой день находился в неврологии на Малиновского, проверяя нас всех на участливость сердец, на нашу способность любви к ближнему, на наше милосердие, измеряемое лептой, и цена этой лепты неважна. Важна лишь наша решимость дать – наш порыв...

«А вот ваш дедушка! Да мы его помним, он приходил к нам в 11-ю горбольницу на Слободке. Всегда такой вежливый», – наперебой стали рассказывать мне медсестры, уже проинформированные о том, что у них лежит необычный человек. Поэт! Да вот приходил Игорь Ваныч не как пациент. Он заходил к своей собеседнице, очаровательному человеку, невропатолу Люсьене Клаупик. Собственное здоровье его не интересовало никак, даже когда сильно докучало.

«Игорь, если ты слышишь меня, сожми мне руку!» – и я читаю его стихи «Слушай, Галя...».

Я смотрю на свою левую руку и до сих пор различаю отпечаток его пальца. Надежда встрепыхнулась в моем сердце.

«Игорь, будь молодцом, борись, еще несколько дней – и ты увидишь свою новую книгу!» – и в этот момент, я готова свидетельствовать,

в его пронзительно голубом правом глазу появилась смешинка. А в уголке глаза навернулась слеза.

«Но ей-богу, так хочется подержать в руках книгу стихов, хотя бы переизданных, Игоря Ивановича Павлова – замечательного русского поэта, волей судьбы обитающего в Одессе». Это написано мной шесть лет назад...

Утром следующего дня звонок Кости Британова вернул на землю. Костя больше всех хлопотал о судьбе Игоря Иваныча и взял на себя трудную задачу диалога с врачами. По больничному обычаю, нужно было подготовить место, куда перевести нашего поэта, у которого ни семьи, ни пенсии, ни жилья, да и паспорт появился недавно... Весь день прошел в переговорах и выяснениях, никоим образом не проявив ситуацию до тех пор, пока я не встретила с Олегом Губарем.

«А ты попроси матушку Серафиму!» – надоумил меня он. Не отлагая ни минуты, я поехала в монастырь.

«Привозите, возьму!» – кратко сказала матушка Серафима, но это было весомое, надежное слово. Утром наш разговор с Костей Британовым о том, что появился выход из сложной ситуации, был прерван звонком лечащего врача: «Пять минут назад Игорь Иваныч ушел от нас...».

Это было пятого июня в десять сорок пять...

Когда умирает поэт, это уже факт литературы. Его наследие становится предметом рассмотрения литературоведов. Исследователей его творчества. Биографов. Я уже не имею права говорить о его стихах, а вот свидетельства о его жизни, пусть наивные, пусть сентиментальные, пока они не обросли домыслами и легендами, мне кажется, ценны все...

Тем более что судьба этого поэта переплетена с судьбой города, в метафизическую сущность которого вплетена судьба другого Поэта. Мы дышим той же пылью, стучим по тем же булыжникам, застреваем каблуками в той же жетрстве, что и Гений, высланный в наш город. Поэт, власть, свободная стихия – все эти переплетения, как сплетения ветвей платана, осеняют наши судьбы. Вам не кажется символичным, что Игорь Иванович как бы ушел на празднование дня рождения к Александру Сергеевичу? Подготовиться в другой реальности и явиться к Александру Сергеевичу Пушкину с поздравлением от нашего времени, от душного июня 2012 года, от Нашей Одессы. Да, наверно, так оно и было. В Кирху, где поэты и художники города прощались с патриархом Поэзии, он несколько припозднился...

Вы спросите: почему Кирха? Да потому что для нашего поколения руина в центре города, отвоеванная у властей, была символом сво-

бодомыслия, была источником вдохновения, была овеществленной победой духа. И Игорь Иваныч, и его апологеты – одесские вундеркинды, делали очень многое, чтобы отстоять у властей этот символ многонационального мультиконфессионального города, история которого развивается вне зависимости от раскраски флага. Не уверена, что в нынешнее время можно было бы отстоять эту великолепную руину! Кирха была тем местом, которое в жизни Игоря Павлова аккумулировало жизненные силы.

Самые спокойные годы с любимой подругой проведены в этом районе. Здесь же на закате дней возшла его звезда Карола, это она, Карола фон Хердер, тан-

цовщица и добрейшей души человек подала идею и замолвила слово перед епископом Уландом Шпаленгером, который с большим участием отнесся к поэту.

Судьба поэта – удивительная материя! «И жизнь черновиком, и без помарок смерть – все это ты!» – писал Олег Соколов, соратник Иваныча по трудной работе противостояния и своим страстям, и внешним напастям. А напастей было, и было, и было. «Тут и неверная жена, и верный алкоголь», – как писал Игорь Ваныч. Оставим биографам честь собирать жизнь его по крупичкам, копать, раскапывать, соединять, решать кроссворд под названием «жизнь поэта из теплой провинции в тоталитарном государстве и на его развалинах». Я могу только сказать, что наконец-то восторжествовала справедливость, и поэт обрел свой окончательный адрес в одесской земле, где покоятся его предки, тоже, наверное, порабатывшие для города.

22 июня 2012

Игорь Павлов

«Запомните, каким я был при жизни...»

* * *

Мы копыя ломаем. Мы жаждем горения.
Все ищем себя, но навеки потеряны.
Иссякла решимость, ушло вдохновение...
А ты пребываешь в таинственном тереме.

Марина... Мы злы. Мы увечны. С порезами.
Мы все пострадали – но это ли Высшее?
И разве в исканиях этих – Поэзия?
И разве мы будем другими услышаны?

Угаснет ли свет в полумраке и трепете,
Замрет ли рука над строкой ли, картиною?
Так хочется стать Умирающим Лебедем –
И спеть, наконец, свою Песнь Лебединую!

* * *

Как благодатно осени сверканье,
Озноб куста и хрупкость лепестка!
И сладостно нам свидеться с веками
На улицах, где налицо века.

Очнись, пошевелись, забытый прах,
Священным стань! Очистись от забвенья!
Огонь цветенья, святость погребенья –
Все лица несет в своих руках!

Вставай, вставай же, хмурое дитя!
И пей свой чай – зеленый чай, звериный,
И услади себя немой Мариной
И еле зримым веером дождя.

Вставай, затворник! Встань, заложник книг,
Домов, застрявших в древних завитушках,
Иди, теряясь в уличных игрушках,
В роскошестве пиров и снов чужих.

Вставай для встречи, хмурое дитя,
И пей свой чай из утвари старинной,
И услади себя немой Мариной
И еле зримым веером дождя.

Вставай, просторы ждут. Уразумей,
Что в мире нет ни темноты, ни давки,
Что в море есть наяды, в рощах – мавки,
Свет их любви чем ярче, тем нежней.

Завещание

И вот замру, весь голос искричав,
Свалюсь, как спелый колос в пасть Несытой,
И сразу – прям и перед всеми прав...
Ну, что ж... Скорей на кладбище несите.

Неважно, сколько там я наскребу.
Запомнись так: невыбранный, ершистый.
К чему фотографировать в гробу?
Запомните, каким я был при жизни!

Пускай в траву отправят мой портрет,
Не в траур! Не нужны мне скорби знаки!
Пускай напишут: «Вот лежит поэт.
Его любили дети и собаки».

* * *

Я иду под арест ворон
Под конвоем цепных окошек.

Я, – питомец Равенн, Верон,
Тут – ласкатель бродячих кошек,
И – невесел и невесом, –
Соннооких ветвей начальник,
Все твержу, что всевластный сон
Охранитель мой и печальник.
Я иду под дневной арест
Без шнурков, поясов, подтяжек,
На спине моей – черный крест,
И ослиный мой крик – протяжен...

* * *

Дул горешняк. Зудели склоны.
Стекло замкнуло мир, как клей.
А ветер, синий и зеленый,
Прогуливался вдоль аллей.
Гремела рыночная fuga,
Дубовый лист дрожал упруго.
Гудело море. Шел орган
На воробьиный океан.
И там, где разлагался Хаос,
Впрягаясь в облачный развал,
Где размякал он, где зевал, –
Другое Небо зачиналось.

* * *

За каждым словом тишина,
За каждым словом – боль.
Тут и неверная жена,
И верный алкоголь.
Да, это знак,
Да, это весть
От муз, от аонид;
За каждым словом что-то есть,
А что – не говорит.

Смещенья образов и лиц –
Бесчестная листва.
– Что вы читаете, мой принц?
– Слова, слова, слова...

Звезда Карола

Ты, дикая звезда, ты, роза дикая!
Ты, многоцветная, ты, многоликая,
Великая, живая, первозданная!
Ты мчишься, мчишься, задевая здания,
Вершины тополей и круговерть афиш!
Безудержная, все летишь, летишь!
Священная! Святая! Гений полночи!
Я жду Тебя! Не знающий, не помнящий
Ни близких, ни далеких, не владеющий
Ничем на этом свете... Только где еще
Узрит моя бездомная душа,
Как ты в порыве танца хороша!
Ты пляшешь, пляшешь, яркая, единственная,
Я выискал тебя такую, выискал,
Не ведая, не ведая, не ведая,
Что ты моя, мне придана, мне предана...

* * *

Все хобби, милая... Все хобби.
В миру, где каждый день – свиданье,
Где каждый утлый дом – надгробье,
А каждый сквер – исповедальня,
Истерика самосожженья
И беззаботность певчей птички –
Все только хобби – продолженье
Давно родившейся привычки.
Да, эти войны, бомбы, пушки, –
Угрозы, чудища, уродцы –

Все хобби, милая! Игрушки!
А умереть – всерьез придется.

* * *

Безмолвие – душа вещей,
Укор страстям и бедам,
Но в каждую вникая щель,
Поэт о том не ведал.
Одетый в праздничный жилет,
Петух к оврадам жался,
Пока забывчивый поэт
По кладбищу шатался.
Слагал, слагал из листьев стих,
Все приникал к могилам.
Он слушал, слушал речи их
О суетном, о милом...

* * *

Распухший воздух – складывать в скирду
В степях, где реют полчища стрекоз...
Не говорить.
Но быть с собой в ладу
И слушать птиц среди примятых лоз.
Безмолвно петь. С наивностью пейзаж
Снимать с закатов розовую медь.
Врастать, врастать в
Рисованный пейзаж
И – безмятежно, медленно тускнеть...

* * *

Все увидеть; все потрогать...
Все изведать; все понять.
Ширь степей и моря грохот,
И лесную благодать!

Не успею! Не успею
Я упиться ими всласть.
Суета всего сильнее
Тянет в городе пропасть.
Тут, кварталами опутан,
Тут, домами окружен,
Я меняюсь поминутно;
Много ветру, много жен.
Снова код привычный набран
И несет абракадабра
Вдаль по улицам родным.

